

ОСУЖДЕНИЕ ЛЕТОПИСЦА

В истории московского летописания надо отметить редкий случай, когда обличения по поводу трусости монарха попали на страницы официальной летописи.

Летопись составлялась в великокняжеской канцелярии при деятельном участии митрополичьей кафедры. По этой причине невозможно подозревать летописца в оппозиции к великокняжеской власти. Похвалы в адрес Ивана Молодого и резкие отзывы по поводу нерешительного поведения Ивана III были связаны, без сомнения, с династической борьбой в Русском государстве. Старшая тверская ветвь династии была законной наследницей престола. Софья, домогавшаяся трона для своего сына — удельного князя, заслуживала осуждения. Такой взгляд стал господствующим и официальным после 1497—1498 гг., когда люди из окружения «грекини» попали на эшафот, а сын Ивана Молодого был коронован великокняжеским венцом. Всего точнее отношение общества к Софье выразил все тот же ростовский летописец, закончивший отчет об «угорщине» едкими словами: «Тоя же зимы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегали на Белоозеро от татар, а не гонял никто, и по которым странам (уездам. — Р.С.) ходили (через Ростов на Белоозеро. — Р.С.), тем пуще стало татар и от боярских холопов, от кровопивцев крестьянских». Автор официального московского свода 1497 г. списал эти слова из ростовского свода, нисколько не пытаясь смягчить их.

Московский свод 1497 г. лег в основу Софийской II летописи, автор которой пошел дальше своих предшественников в обличении Софьи и Ивана III, погубивших законную ветвь династии в лице Дмитрия Внука. Неофициальная поздняя летопись утверждала, будто великий князь дважды бегал от татар, первый раз из Коломны и второй — с Угры. В страхе государь приказал воеводам насильно препроводить наследника с границы в Москву. В отличие от струсившего отца Иван Молодой «мужество показал, брань приял от отца, и не еха от берега (с Оки. — Р.С.), а христьянства не выда». Победитель Ахмата окончательно превратился в «предателя христьянства». Книжник не только возлагал на Ивана III ответственность за бегство Софьи на Белоозеро, но и приписывал государю позорные планы. Послав «римлянку» с казной на север, государь якобы «мыслил»: «Будет Божие разгневание, царь (Ахмат. —

Р.С.) перелезет по сю сторону Оки и Москву возмет и им бежати к Окияну-морю». Ввиду явной трусости самодержца Васиан Рыло в лицо обличил его, назвав бегуном. Возмущенные москвичи стыдили монарха, говоря: «Нас выдаешь царю и татаром». Иван III якобы побоялся въехать в Кремль, а остался за городом, «бояся граждан мысли злыя поимания». Вместо того чтобы оборонять границу, он провел в Москве две недели, предаваясь страху и нерешительности.

Иван III шел к цели, не стесняясь в средствах. Он нарушил закон и обычаи, расправился с боярами и последовал советам сомнительных лиц. Все это не могло не сказаться на его популярности. Бзнаказанные попытки скомпрометировать монарха в момент его наивысших успехов свидетельствовали как о неавторитетности главы государства, так и о кризисе власти.